

На следующий день, едва забрезжил рассвет, Дуань Жуйцин проснулся. По правде говоря, за всю ночь ему почти не удалось поспать: три года в больнице его тело только и делало, что спало, тогда как разум бездействовал. Теперь же, когда мысли вновь погружались в привычное спокойствие, он чувствовал себя немного непривычно.

— Проснулся? — стоило ему приподняться на кровати, как спавший рядом Юнь Шаочэнь тоже открыл глаза.

— Угу, — Дуань Жуйцин обернулся и виновато улыбнулся ему.

Взгляд Юнь Шаочэня был предельно ясным — казалось, эта ночь выдалась тяжелой и для него. Он потёр переносицу, сел на постели и заговорил: — Ты уже всё обдумал? Уверен, что потом не пожалеешь?

Дуань Жуйцин понял, что речь шла об отказе от выпускных экзаменов в старшей школе, и кивнул: — Угу, я всё обдумал. Жалеть не буду.

Жалеть о содеянном ему уже довелось в прошлой жизни, а сейчас был тот самый первый шаг, который он делал ради изменения собственной судьбы.

Юнь Шаочэнь тоже кивнул и больше ничего не сказал.

В конце концов, хозяином своей жизни каждый может быть только сам. Какое бы решение ни было принято и какими бы ни оказались последствия, нести за них ответственность должен он один.

Раз Сяо Жуй решил сейчас отказаться от экзаменов и продолжения учебы по традиционному пути, будет лучше, если он уже принял твердое решение отвечать за последствия собственного выбора.

Хотя Юнь Шаочэнь слыл человеком строгим, косным его назвать было нельзя. Возможно, в глазах старшего поколения решение Сяо Жуя выглядело детским и безрассудным упрямством — мол, хлебнет лиха, так сразу одумается. Но у Юнь Шаочэня на этот счет имелись совсем другие мысли. Он чувствовал, что Сяо Жуй вовсе не обязательно проиграет, и верил в него безо всяких на то особых причин.

К тому же, даже если Сяо Жуй действительно оступится, он еще молод, и жизненный путь не ограничивается погоней за стабильной должностью с гарантированным куском хлеба. К тому же есть он, Юнь Шаочэнь, и он не позволит Сяо Жую скатиться на дно.

Встав с постели, Дуань Жуйцин отправился на кухню, чтобы помочь Дуань Цзяцю приготовить завтрак. После еды Дуань Цзяцю уже собиралась уходить на работу, но Юнь Шаочэнь преградил ей путь.

— Что такое? — удивленно посмотрела на него Дуань Цзяцю.

— Вашему отелю сейчас люди нужны? — спросил Юнь Шаочэнь.

— Нужны ли люди? — Дуань Цзяцю нахмурилась, задумчиво протянув: — Точно не скажу... А зачем ты спрашиваешь?

Стоявший неподалеку Дуань Жуйцин бросил взгляд на Юнь Шаочэнь и пересёкся с ним

взглядом. В этот момент у него в груди что-то ёкнуло, и он мгновенно догадался о намерениях двоюродного брата.

Дуань Жуйцин прикусил губу, но, подумав, решил, что это неплохой вариант.

И точно, Юнь Шаочэнь повернулся к Дуань Цзяцю: — Устройте Сяо Жуя к вам в отель.

— Сяо Жуя на работу в отель? — Дуань Цзяцю странно посмотрела на них обоих, а затем с легким недовольством уставилась на Юнь Шаочэнь. — Разве Сяо Жуй не учится? На носу выпускной в старшей школе, учебы выше крыши, какая еще работа!

— Третья тетя, не вини старшего брата, это мое собственное решение. Я не собираюсь поступать в институт, — первым делом пояснил Дуань Жуйцин.

— Ой, да... а как же твой отец? Он же так мечтает, чтобы ты поступил в нормальный вуз! — Дуань Цзяцю испуганно уставилась на него, на ее лице читалось полное непонимание.

— Я уже говорил с ним, — голос Дуань Жуйцина оставался неизменно спокойным, а мягкая улыбка, казалось, была неспособна дрогнуть от любых бурь.

— Но, но... — в конце концов, Дуань Цзяцю была женщиной средних лет, повидавшей на своем веку немало трудностей. В системе ценностей ее поколения единственным правильным путем для ребенка было усердно учиться и поступать в университет, а всё остальное считалось праздностью и бездельем. И вот теперь этим бездельником оказался ее собственный племянник, причем родной сын не только не возражал, но еще и стал соучастником! Такое потрясение она не могла принять с ходу.

— Если тебе трудно и ты боишься разозлить дядю, я сам помогу ему найти место, только не говори дяде, где он работает, — лицо Юнь Шаочэня оставалось бесстрастным, однако слова резали слух.

Больше всех, пожалуй, был удивлен сам Дуань Жуйцин. Он-то думал, что простое молчаливое несопротивление со стороны старшего брата уже можно считать поддержкой, но никак не ожидал, что стоит ему заикнуться о желании заняться делом, как брат уже начнет готовить почву для его первого шага в реальный мир. На сердце у Дуань Жуйцина стало тепло. Отец тревожился о его будущем, но знал лишь один способ — проложить дорогу и силой тащить его наверх, в то время как этот двоюродный брат, с которым кровная связь была не такой уж близкой, не только безоговорочно поддержал его идею, но и молча продумал всё за него.

Дуань Цзяцю сердито зыркнула на Юнь Шаочэня и с упреком произнесла: — Что за глупости ты говоришь? Раз уж Жуйцин впервые выходит на работу в люди, конечно, лучше, если он будет у меня на глазах, под моим присмотром, — она вздохнула. — В последнее время в отеле дел невпроворот, люди определенно нужны, вот только работа там тяжелая, боюсь, она окажется ничуть не легче подготовки к экзаменам.

— Я не боюсь трудностей, — ответил Дуань Жуйцин. Будь ему сейчас восемнадцать, как в прошлой жизни, он, пожалуй, и впрямь не вынес бы тяжелого труда. Но после того, как он больше десяти лет закалялся в водовороте взрослой жизни, барские капризы давно смыло суровыми ветрами и дождями реальности, а терпение и выносливость были выкованы самим временем. Он был абсолютно уверен, что справится с этой нагрузкой — впереди ведь предстояло пройти куда более долгий путь.

— Ну ладно, сегодня я поспрашивай там насчет тебя. А ты пока побудь дома, отдохни,

подготовься. Как будут новости, я вернусь вечером и всё расскажу, — видя, что парень непреклонен, а ее собственный сын настроен защищать его до конца, Дуань Цзяцю прекратила спорить. Разумеется, она прекрасно понимала: в данном случае долгие разговоры всё равно ничего не изменят.

Решив все вопросы, они проводили Дуань Цзяцю до дверей. Юнь Шаочэнь повернулся к собиравшемуся вернуться в дом Дуань Жуйцину: — Пойдем, для начала купим тебе пару комплектов одежды.

— Э-э, не стоит, давай лучше после того, как я устроюсь на работу, — Дуань Жуйцин, не раздумывая, замотал головой. Сейчас у него в кармане не было ни гроша, из вещей — лишь то, что надето на нем, и покупка одежды сейчас явно означала бы трату денег Юнь Шаочэня.

Юнь Шаочэнь молча посмотрел на него, развернулся и ушел в свою спальню.

Дуань Жуйцин не знал, что тот задумал, но был уверен, что двоюродный брат вряд ли рассердится из-за его отказа.

Пробыв в комнате всего пару минут, Юнь Шаочэнь вышел обратно и молча положил перед Дуань Жуйцином какой-то листок бумаги.

— Это что? — Дуань Жуйцин взял листок, повертел его так и эдак, но не нашел ни одной осмысленной строчки.

— Пиши расписку, — невозмутимо бросил Юнь Шаочэнь, достал из кармана брюк кошелек и вытащил две купюры, положив их перед ним.

Дуань Жуйцин мгновенно понял смысл происходящего: двоюродный брат не хотел ставить его в неловкое положение из-за бесплатных денег. На секунду ему стало не по себе, и он замер с бумажкой в руке, не зная, писать или нет.

— Пиши давай, — подбородком указал на бумагу Юнь Шаочэнь, подгоняя его.

Дуань Жуйцин поджал губы, взял протянутую вместе с деньгами ручку и аккуратно вывел текст по форме долговой расписки.

Двести юаней в те времена имели солидный вес — на них вполне можно было купить пару приличных вещей.

Дождавшись, пока Дуань Жуйцин закончит, Юнь Шаочэнь забрал расписку, аккуратно сложил ее и убрал в кошелек.

— Пошли, — бросил он.

На Дуань Жуйцине все еще красовалась та самая по-детски наивная школьная форма. Юнь Шаочэнь не собирался наряжать его в дорогие бренды и повел в пешеходную зону — тамошние магазинчики славились вполне доступными ценами.

Пешеходная улица уездного городка находилась совсем недалеко от дома Юнь Шаочэня, пара минут ходьбы — и они на месте.

Поскольку сам уезд был небольшим, пешеходная улица тоже тянулась недолго. И хотя оба были взрослыми парнями, к счастью, терпения им было не занимать: обойдя всё кругом, они

ничуть не утомились, а напротив, присмотрели несколько вполне приличных комплектов.

В те годы джинсы только-только начинали завоевывать улицы и переулки, еще не успев прогrometer на всю страну — в мегаполисах они, возможно, уже вовсю входили в моду, но в провинции встречались редко.

В конце концов они выбрали две пары джинсов, белую рубашку, хлопчатобумажную белую рубашку с длинным рукавом и комплект сменного белья; обувь решили пока не брать.

Тогдашнее термобелье еще не отличалось той легкостью и тонкостью, к которой привыкли двадцать лет спустя, да и редкий обыватель решился бы тратить на него деньги. Большинство спасалось свитерами и теплыми штанами собственной вязки, надеваемыми под верхнюю одежду. Выглядело это несколько мешковато, но от холода защищало отменно.

У Дуань Цзяцю был единственный сын, Юнь Шаочэнь, поэтому детских и подростковых свитеров у нее за годы скопилось немало. Будучи женщиной работающей и аккуратной, она бережно хранила их на дне сундуков, выстирав до идеальной чистоты, хотя сам Юнь Шаочэнь давно из них вырос. Сейчас вытащить один такой комплект для Дуань Жуйцина оказалось как нельзя кстати — это позволило избежать лишних трат.

Когда покупки были завершены, Юнь Шаочэнь объявил, что ему пора на работу, велел парню пока осмотреться в окрестностях и протянул ключи от дома. Он строго предупредил, чтобы тот обязательно вернулся до темноты, пригрозив в противном случае поднять на уши отделение милиции и сообщить отцу.

Дуань Жуйцин, конечно, не был по-настоящему взбунтовавшимся подростком переходного возраста и не собирался без причины волновать близких. Не раздумывая, он кивнул и пообещал, что вернется домой до наступления сумерек.

Заглянув в его серьезные глаза и заметив на его лице не по годам зрелую и спокойную улыбку, Юнь Шаочэнь на миг замер, моргнул, больше ничего не сказал и, кивнув, удалился.

Оставшись один, Дуань Жуйцин занес пакет с покупками в дом Юнь Шаочэня и снова вышел на улицу.

Здания по обеим сторонам дороги выглядели по-прежнему обветшалыми, не неся в себе ни малейшего намека на грядущее через двадцать лет процветание; облик многих улиц казался Дуань Жуйцину совершенно чужим.

Уездный городок, состоявший всего из десятка с небольшим улочек, можно было обойти вдоль и поперек за пару часов.

Побродив по уезду, Дуань Жуйцин направился напрямик к его окраинам. Поскольку весь уезд располагался в холмистой местности, вокруг оживленного центра тут и там громоздились холмы разной величины. Между этими холмами и городской застройкой раскинулись пустыри с хиреющими сельскохозяйственными культурами и унылыми низкими лачугами — на первый взгляд совершенно бросовая земля. Однако Дуань Жуйцин прекрасно знал, что эта полоса, включая огромные участки пахотных земель, уходящие на запад, меньше чем за десяток лет взлетит в цене вдвое, и тогда, даже имея на руках деньги, вы уже не найдете желающих продать ее.

Хотя сейчас он фактически оставался без гроша в кармане, залез в долги перед двоюродным

братом и жил под чужой крышей, никакой паники он не испытывал.

Обойдя тот район, Дуань Жуйцин вернулся в город и в конце концов остановился на рынке у южной окраины.

<http://bllate.org/book/23966/2745849>